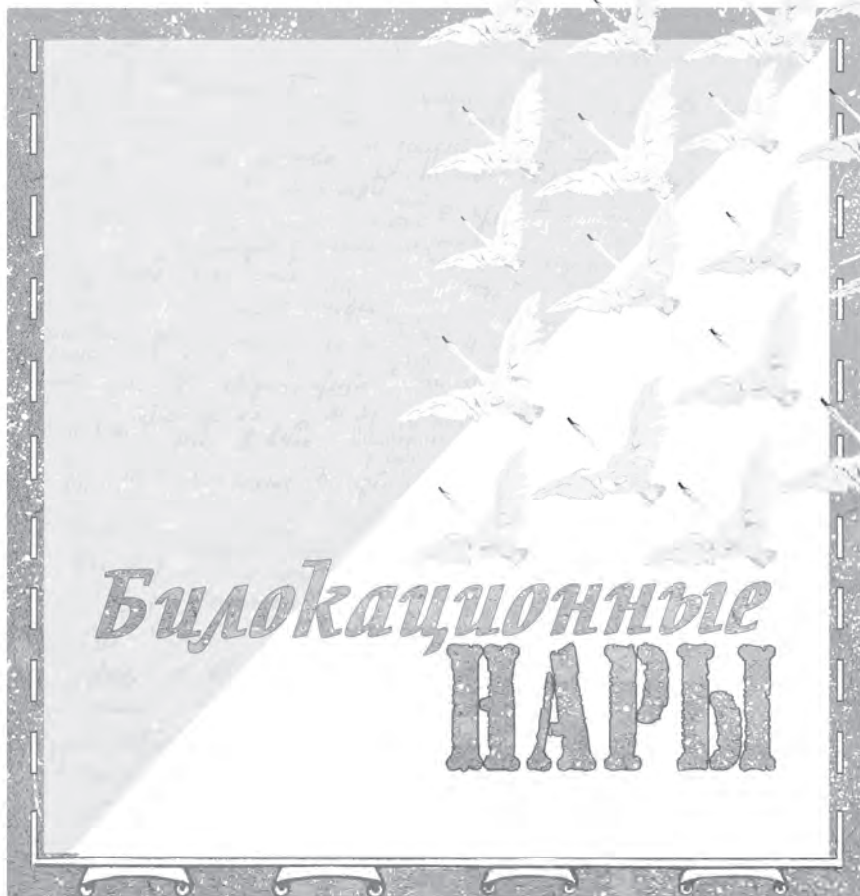

Блаженный Иоанн

23.10-16.12.2011 Парфенон

Москва 2012

Поэт-декабрист XXI века

Предисловие

Новая книга блаженного Иоанна называется 'Билокационные нары'. Тем самым продолжается своеобразная 'зэковская' традиция в его поэзии, уже отмеченная названиями нескольких предыдущих сборников, таких как 'Заповеди зэка' и 'Круглый стол в сибирском гугаге'.

Это не кокетство, не заигрывание, не попытка эксплуатировать популярную среди непритязательной публики 'блатную' тематику. Автор – аристократ, а не блатарь. Его нары – не 'одесский кичман', а декабристская 'глубина сибирских руд', где узники совести, мученики свободы извлекают сокровенную золотую жилу из страдания за правду. Не случайно так близок автору образ Ходорковского: поэт верит, что и этот бывший комсомольский олигарх, некогда строивший наполеоновские планы политической карьеры и обустройства России, преображается и очищается на своей малой голгофе и шаг за шагом восходит к собору праведных.

Такова уж стезя Руси: в кандалах и тюремной робе стяжать святого духа всегда было проще и как-то правильной, достойнее, приличнее на русский взгляд, чем в золоте и соболях. Таким путем шествует отечественная духовность со времен

Максима Грека и Вассиана Патрикеева, заволжских старцев и христоверов-исповедников древлего (не византийского) православия. Не миновали этой стези и многие наши гении: царь-узник Петр III, император-калика Александр Благословенный (старец Федор Кузьмич), Ф.М.Достоевский и Л.Н.Толстой, яснополянский зэк, проклятый фарисеями апостол Бога Любви. Прошли гулаговским путем соловецкие старцы и первый из них – боготворимый автором Серафим Умиленный, бывший великий князь Михаил Романов. И являлась к ним среди ‘минус тридцать холодов’, когда волосы примерзали к нарам, соловецкая Сестра Милосердия – добрейшая добрых Богородица, Alma Mater Dei et Humani. Молоком нетленным питала, открывала небесные тайны.

Но блаженный Иоанн не ограничивается историко-политическим пониманием феномена зоны. Мистик высокой метки, помазанник божественной Премудрости, он говорит о *последней глубине*.

С точки зрения добрых бессмертных божеств, взирающих на нас из вечности, каждый человек – такой же ‘зэк без паспорта и без имени’, мающийся в духовном бараке, опутанный колючей проволокой люциферианских химер. Поэт выступает не только и не столько против человеческих пенитенциарных систем (хотя, как поборник свободы и гуманист, не устает обличать диктатуры всех мастей), сколько против Великого Узурпатора – духа злобы, превратившего мир в подобие сталинского Дмитлага или чилийского стади-

она, где томятся невинные бесправные жертвы в ожидании расстрела.

Его поход – против темницы мирового зла, против самого основоположника и первоархитектора всех на свете тюрем. Его сердце пронзено болью небес, болью самой Богородицы, плачущей кровавыми слезами о своих детях, обманутых и обольщенных добрых душах, заточенных несправедливыми судьбами в эту вселенскую колонию для духовных малолеток. И рыцарь правды, и отважный диссидент, и даже сонный обыватель, услаждающийся телевизионным дурманом и копченым свиным окороком, – в равной степени заключенные космического гулага. Ни костюм от Армани, ни тога философа, ни блуза художника не могут скрыть от прозорливого ока полосатой освенцимской робы, в которую облачена потерявшая Бога душа.

Всякое сердце знает об этом, и всякое сердце плачет. А горше всех плачет сердце помазанника – в нем эхом отдаётся вселенский стон, не дает покоя, пробуждает посреди ночи, мировой *posche del espíritu*. Вслед за царем-зэком Серафимом Умиленным блаженный Иоанн выплакивает свои еженощные три стакана слез.

Горше всех – но и светлее всех этот плач. Когда слез уже не хватает, из глаз, из сердца источаются потоки благоуханного мирро, горячими маслянистыми дорожками стекают по щекам, по рукам, по строчкам, по стеклу фотопортретов. Многие (в том числе и автор этих строк) не раз были

потрясенными свидетелями того, как на фотографиях блаженного Иоанна вдруг проступают капли неземного состава, словно на чудотворной иконе. Знак того, что помазанныческими скорбями совершилось очередное искупление, и где-то далеко исцелился еще один безнадежно больной, еще один безнадежно слепой прозрел.

Среди нас, мыкающих назначенный срок в земной концентрационной зоне, есть иного рода заключенные – добровольные агнцы Надмирной Голгофы, помазанныки и свидетели Миннэ, любви, какой нет ни на небесах, ни на земле. Они не просто срок мотают – они светят во мраке заточения огнем величайшей доброты, чистоты и свободы, горящим в преображенном сердце, разгоняют гулаговский мороз теплотой преображенных телесных составов. И как бы ни лютовала люциферианская вохра, какие бы планы тотальных зачисток ни замышляли преступные ‘покровители’ земли, – пока есть на ней помазанныки, мир стоит, и проекты дьявола рушатся.

Таковыми, претерпев многие страдания и мытарства, стали на Соловках ээки-священники. Истекали кровью из источенных цингой челюстей, примерзали к нарам, катились стремглав в рогожном мешке по смертельной Секирной лестнице на Анзере – а над ними раскрывалось небо, и вставала в облаке света надмирная Усыпальница, и звучали хоралы Отца и Матери чистой любви, и шептали разбитые уста: ‘Не слышали мы музыки слаще’.

Таким, пройдя свои долгие посю- и потусторонние пересильные этапы, стал и блаженный Иоанн. Он не из тех 'воров голгофских', что угодили на казнь сообразно составу преступления (собственно, он вообще отрицает этот самый состав преступления, выступая бесконечным оправдателем и адвокатом человечества). Он дал согласие сойти во мрак, чтобы ярче разгоралась свеча любви, разгоралась и светила недотёпам-З/К, затепляя и в их сердцах отсыревшие фитильки.

Об этом, по сути, вся поэзия блаженного Иоанна. От раннего сборника 'Свеча страстного' до нынешних соловецких песен – всё у него только о солнце любви, о Боге Любви, о божественных Отце и Матери, сквозь сырые стены приходящих к своим сиротливым детям.

Такие песни можно петь только самому будучи зэкком. Такой поэзии не сложит сытый литератор, завсегдагой салонных тусовок. Это не привычное нам 'искусство', происходящее от слова 'искушение'. Это бесконечное откровение любви, происходящее прямо посреди мира, где нет любви. Это плач последней оставленности и песнь победы, ежедневное голгофское свидетельство, смерть и воскресение, и более того – ежедневный переход от успенского одра в афтарсию, вечнобытие преображенного порядка.

Только так можно быть свободным и живым несмотря ни на что в нашем лагере смертников, утверждает блаженный Иоанн, и каждый день подтверждает свой постулат

страстнѣм опытом, как впервые. Божия Матерь, явившись ему на Соловьиной горе близ древнего Эфеса, где провела когда-то последние предсупенские дни в ожидании Жениха-Христа, обещала о.Иоанну, что сподобит его подобного удела.

Дни и ночи его наполнены билокациями – потому, собственно, и ‘билокационные нары’. Билокация или, точнее, полилокация – духовное пребывание помазанника одновременно во многих мирах, за исключением разве что нашего, где остается только страдающее тело и остатки распятого сознания. Нет у человечества слов, способных описать этот опыт. Но вдумчивое, соучастливое прочтение поэзии блаженного Иоанна поможет хотя бы отчасти почувствовать это состояние вселенского сердца, диффундировавшего в тысячи сердец, как огненный диск солнца рассыпается в тысячи маленьких солнц на поверхности моря, на листьях деревьев, на окнах домов и лицах людей.

Мало что может вспомнить душа, возвращаясь из этого запредельного странствия. Потом, много позже, приходят письма и весточки из разных уголков мира. Где-то видели добрейшего белого старца, развеявшего грозные тучи суицидальной тоски. К какой-то одинокой старушке в хосписе явился небесный гость, исцелил и скрылся, не оставив следов. Во сне или наяву духовные чада сподоблялись посещения возлюбленного отца, как раз тогда, когда особенно остро в этом нуждались... Сам отец Иоанн не может сказать ничего. Но всякий раз, возвращаясь из билокации, он при-

носит с собой облако превосходящей, неизъяснимой, превышенебесной любви. Тогда он садится за фортепиано и касается клавиш, снова и снова вкладывая в моцартовские или бетховенские пассажи только что полученное откровение о бесконечной доброте небесных миров.

Полилокации открывают помазаннику *реальность* этих миров – многократно более реальную, чем замороченный сон нашей обыденной жизни. Там познается полнота бытия, существенно превосходящая всё, что мы способны представить. И каждое путешествие за тридцать девять неизреченных земель, каждый такой выход в трансцендентные пространства Царствия – еще одна трещина, прорезающая каменную стену тюрьмы века сего. Однажды стены этой тюрьмы рухнут вовсе, и мириады душ праздничным шествием двинутся по новым небесам к сиятельному граду богоцивилизации, о пришествии которой вдохновенно пророчествует отец Иоанн.

Это не дается даром. Полилокация сопряжена с прохождением смертными вратами, коридорами бесконечной пустоты, грозящими поглотить одинокого странника. Но – девственно зачат и девственно храним – помазанник силою божества преодолевает все испытания и, подобно древнему царю Мелхиседеку, приносит на землю чашу с небесным напитком, Грааль Миннэ, чтобы упоить жаждущих и страждущих.

Вратами смертными прохожу каждодневно,
спасаемый единственно Вечною Девой.
Без нее задержали бы на первой таможне
с философией зэка религиозно-безбожной.

Поэзия, очередной свиток которой вы держите в руках, – того же происхождения. Миннический лифт работает в обе стороны, и из миров прекраснобытия на о.Иоанна нисходят каскады псалтырных созвучий, низвергаются солнечным водопадом посреди предрассветного сумрака, так что только успевай записывать.

‘Я ли это пишу?’ – подчас задается он вопросом. Внимательный читатель заметит, что в сборнике десятки стихов помечены одной датой. Какой-то классик считал удачным день, когда ему удавались одна-две недурных строки. Здесь же – целые циклы надиктовываются свыше за несколько часов.

‘Иногда стихотворения приходят прямо во время прогулки. Они открываются полностью, как есть. Я запоминаю их наизусть, возвращаюсь домой и записываю’ (о.Иоанн).

Да, эти стихотворения не сочинены, а *услышаны*. Где-то за гранью нашего трехмерного континуума, в иной духовной галактике (автору известно ее название – Галактика Солнце Миннэ в Зените) они звучат на неслышимых нам безмолвных наречиях. Переложение их в человеческую речь сродни музыкальному исполнению. Так и за фортепиано о.Иоанн играет не столько нотный текст Моцарта, сколько тот вечнозвучный божественный оригинал, который слышался Вольфгангу Амадею в часы его блаженных наитий.

Подобно музыке, исполнение Слова тоже требует незаурядного мастерства. Вне всяких скидок на иномирное происхождение, даже по чисто литературным меркам, творче-

ство блаженного Иоанна достойно быть включенным в золотой фонд отечественной словесности, чему подтверждением возмуженные отзывы корифеев поэтического цеха.

Читая, испытываешь не только духовное вдохновение, но и эстетическое наслаждение от поэтического языка – невероятно яркого, самобытного, насыщенного неожиданными образами, точными сравнениями, огненной экспрессией. И всегда – возвышенность без ханжества. Всегда – праведность без ожесточения. Всегда – бесконечная любовь и почитание человека как потенциального божества, бескомпромиссная война за его доброе имя против легиона фарисейских химер. Ни грана пошлости. Ни йоты заигрывания с модой. Ни одной претензии на респектабельность в понятиях мира сего. Всегда только предельная искренность, исповедальность, высокая ‘безуминка’ духовного дерзновения и доброжелательность, доброжелательность, доброжелательность. Ни малейшей ноты кастового высокомерия – напротив, исключительная сочетанность, доверительность по отношению к читателю.

Такой и должна быть истинная поэзия.

*

‘Билокационные нары’ нельзя счесть обычным сборником. Стихотворения в книге не сгребались россыпью, а объединены общей концептуальной канвой – да-да, той самой интонацией ‘нар’. Но гулаговская тема развивается о.Иоанном вовсе не в привычной плачевно-лирической манере ‘сизжу за решеткой в темнице сырой’. Нет, скорее авторское настро-

ние можно сравнить с фотоснимком, в декабре 2011-го обошедшим все российские СМИ и интернет-сайты. Молодой правозащитник, после очередного митинга оппозиции засаженный на 15 суток, вывешивает сквозь решетку камеры самодельный плакат: 'ПЯТНАДЦАТЬ СУТОК СВОБОДЫ'.

Вопреки 'всей королевской рати' князя мира сего блаженный Иоанн в общечеловеческой экзистенциальной заперти празднует торжество свободы. Он сильнее любой тюрьмы, потому что ему открыта главная тайна: тьма этого мира, зла и греха эфемерна и преходяща, а человек божественен, добр и вечен.

Композиция книги напоминает бетховенскую симфонию. Несколько различных сюжетов чередуются и переплетаются в ней, образуя сложную гармоническую игру созвучий. Мощные крещендо сменяются плавным развитием темы, чтобы, постепенно набирая напряжение, разрешиться очередным катарсисом. Необычайно интересно, уловив и почувствовав этот ритм, войти в него и наблюдать, как перед тобой разворачивается живая картина жизни автора, мнемоническим слепком с которой становится поэтический текст.

Симфония начинается с оглушительного вступления – вдохновенного гимна Отцу чистой любви с перечислением его тайнозрительных имен.

'Я скорбел от того, что Отец наш в мирадах его ипостасей неизвестен людям, – говорит о.Иоанн. – Его супротивнику библия называет десятки имен: Элогим, Адонай, Шад-

Матери чистой любви Великому Мимикру – дьяволу, притворяющемуся божеством.

Этот древний демон, согласно богословию автора (здесь он выступает наследником и продолжателем мистицизма средневековых катаров и античных гностиков, восходящему, в свою очередь, к тайным учениям Атлантиды и Гипербореи), является автором всех человеконенавистнических доктрин, проникших в земные религии и священные писания. Жестокий, мстительный, требующий поклонения и кровавых жертв, он покровительствует жрецам, буквоедам, фарисеям и ханжам всех мастей. Везде, где проповедуется презрение к человеку под предлогом богопочитания, запечатлен след когтистой лапы этого обольстителя. В ветхом завете он представляет себя единственным богом, называя себя Яхве ('Я тот, который единственно есть... да не будет у тебя других богов пред лицом моим') и благословляет все на свете бывшие и современные холокосты. Злодейское обаяние узурпатора (катары называли его Ялдаваофом) просочилось и в институциональное христианство. Связью с лже-божеством фарисействующие богословы запятнали даже непятнаемые образы Христа и Богоматери, превратив их в подобие и орудие этого бого- и человекоубийцы.

Блаженный Иоанн, подобно своим великим предшественникам, веровавшим в Отца чистой любви, бесстрашно ополчается против кощунственного смешения. Он проповедует иное христианство, иное понимание божества и человека,

Христа и Пресвятой Девы, воскрешая утраченные свитки
Золотого века земли.

Против Сатанаила и Левиафана –
эклаesia Иоаннова.
Против Нибиру́ и Яддаваофа-банкрота,
идеалов обывательского болота
с мегаполисной гуттаперчевой жвачкой –
ближний как Христос, Жених новобрачный.
Божества аутентичный почерк угадывай
в бомже, пылящемся
на третьей полке плацкартной.

Верный своей возвышенной тео- и антропологии (не разделяя божество и человека, он и эти понятия объединяет в единую науку – теoантропологию), блаженный Иоанн обращается к архетипу, к сокровищнице Грааля, сокрытой в самой глубине нашего существа. Он говорит и пишет всегда только о подлинном, исконном, настоящем. Под наслоениями века сего орлиным взором различает контуры непорочных прообразов.

Течение симфонии продолжается. Перед читателем возникают и начинают жизнь, чтобы пройти через всю книгу, проникновенные образы России (давно и не по своей воле оставленной автором), человека – экзистенциального зэка (о нем о.Иоанн пишет всегда с любовью, скорбью и праведным гневом против одержавших землянина химер), Испании, Америки...

Множество точно схваченных деталей, остроумно вскрытых смыслов. Высокий трагизм соседствует со скомороше-

ством, проникновенные полонезы о покинутом страдающем отечестве – с бытовыми зарисовками, сквозь которые, однако, сквозит вечность, как солнечный свет в решетку камеры. И хотя подчас экзистенциальная тоска прорывается в драматических строках (тогда в них слышится апокалиптическое ‘Доколе?!’), но она тут же сменяется непреложной верой в торжество любви и света. Автор водим божественной Премудростью, а она не знает поражений.

Симфоническое анданте в очередной раз взрывается экзотическим всплеском, апофеоз которого – ‘Белая литургия’. Белый цвет – символ непорочности и света. Белый Бог, которому поклоняется блаженный Иоанн, противопоставляет Черенбоху и его черноризной рати, принимающей обличье то продажных священников, то очередных ‘черных полковников’.

Не счесть в мире сем религиозной и светской вохры, вся задача которой – покрепче упечь человечка-фраера да подвести его под расстрельную статью на суде времен. Но уже сходят свыше белые корабли, небесная морская пехота, предводительствуемая БелБерой, Белой Матерью, архетипической Афиной Палладой гипербореев и аталантов. Рушатся проекты дьявола, посрамляются его судилища. Предстоит смена зона, кардинальное изменение миропорядка.

Автор открывает тайну, способную принести великое утешение семи миллиардам зэков земных. Ни одна капля мученической крови не истекает напрасно. Каждая слеза, каждое

предсмертное ‘ах...’ пресуществляются в иной, нетленный состав – в нем еще жить всем нам многие тысячелетия на преображенной земле, ставшей одно с небом.

Кому и знать об этом, как не блаженному Иоанну, ежедневно проходящему смертные врата в своем биллокационном служении.

Ни на секунду не бывает он эгоцентричен. Всё переживаемое им посвящается любимой России. По сути, она тоже, все 140 миллионов, томятся вместе с о.Иоанном на биллокационных нарах – 140 миллионов Серафимовых братьев, окруживших мироточивого старца.

Третья кульминация сборника – ‘Соловецкие песни’, полные смиренномудрого эзковского покоя и горячего призыва к Матери Соловецкой.

Не оставляла Она попечением чад своих в анзерских и сибирских бараках. Придет на помощь и экам современных гугагов, будь то разоренная государственной и религиозной мафией Россия, виртуальные интернет-ШИЗО, телепаноптикум или респектабельные европейские курорты со свистящей тоской. И с Нею – Серафим Умиленный, белые корабли и сам Добробоженька Иеродамант.

Внимание! В премирном эфире –
голоса бессмертных заговорили.

Хотя ясно и без комментариев:
время белых корабелов – гуманитариев.
Ходим впервые тропами нехоженными,
познаем ближнего, обожая-обоживая.

Так и остается звучать в мистической памяти это блистательное пророческое кредо, Декларация прав богочеловека. Написанная в 'билокационном гугаге', для нас эта книга – очередная весточка с воли.

Поэты любят говорить о том, что поэзия составляет собственную, особую реальность. Тем более влияет на реальность поэтическое слово, сопряженное с духовным служением помазанника. Из-за того, что где-то на земле совершает свою гефсиманскую молитву безвестный 'маргинал бессмертных перспектив', в тысяче километрах от него остановится изготовившийся к атаке танк. Горячая ночная слеза в билокационном страстном предотвратит пролитие чьей-то крови. Отчаянное "доколе?!", вырвавшееся из разорванного сердца, отзовется в тысячах сердец, пробуждая их от спячки.

Историкам будущего еще предстоит связать многие процессы, происходящие сегодня в нашей стране и за ее пределами, с тем крестом, который несет о.Иоанн, мотая свои десять лет без права переписки, десять лет свободы на билокационных сиротских нарах. Еще предстоит России открыть для себя своего главного поэта-декабриста.

Набатным звоном гремит раскачанный о.Иоанном колокол архетипа, посылая далекому отечеству укрепление и благословение, вынося приговор опутавшим человечество химерам и провозвещая наступление на земле нового зона – эпохи торжества Бога Любви.

Леонид Белов

Имена Отца

*Перечисляли злых духов в молитве Киприановой.
Теперь перебирайте имена добрых в экклесии Иоанновой,
как струны миннезингерской лиры орфеевой,
звучащей над Китеж-градом и катарским Дивеево!*

1. Мирротéос

¹Иеродамáнт –

Миннэ апокрифический фолиант.

Иеродамáнт.

Новое письмо на сердечных скрижалях
духа Обóжителя и Обожáтеля.

Иеродамáнт. Иеродамáнте.

Преблагоуханные премудрости ароматы.

Отец добрейших старцев-иерофáнтов,

Падре Амáнте. Иеродамáнте.

ЙММУ – тетраграмма равная ÁММА,

Вечного Веселения внутренний зáмок.

С иммунитетом против Нибиру – Небарíу
в противостоянии Иерусалиму и Риму.

Против гуманоидов со спецслужбами конкордата –
божество обожаемого Падре Амáнте.

Вечнодевственный Дéи Фанéос,
говорящий в пророках, обличающий фарисейскую мерзость.
Мирротéос, мирровой Тéос.

2. Апофеоз Иеродамáнта

Иеродамáнт Осириса и Изиды,
Божество божеств богоцивилизационной элиты.

² Мирротéос с избыточным иммунитетом
для цивилизации дев и поэтов.

³ Ипостасью солнечного Кандифóрта
побеждаются бесчисленные злобных когорты.

⁴ Против Антихриста – Антитíрус.
Апокрифический благоуханный папирус.
Адаптационная перелепка как вирус,
побеждаемый стойкой иммунной системой
против синедрионской мифологемы.

⁵ Пневмалиóн пантеонов великих и малых
по очищению духовных составов.

⁶ Обличитель мертвых планет злóbных архонтов,
их сатанинской работы
по превращению богочеловека в марионетку.

⁷ Олицетворенный консоламентум!

Риз вечнодевственных благоухание,
света от светов сияние!

Против гуманоидов со спецслужбами конкордата –
обожаемый Падре Амáнте.
Апофеоз Иеродамáнта!

3.

О сокрытый ¹ Синао́н, ² Пневмалио́н.
Обожа́тель-Обо́житель веков испокон.

³ 1500-ипостасный Иммуниа́р,
божество людей добрых катар.

⁴ Армедо́н – Генералиссимус,
побеждающий от князя мира дурную зависимость.

⁵ Открылся Анти́тирус –
200 миллионов одновременно восхитились!

⁶ Блаженные ученики твои входят в силу,
 препрославленный Аталанти́у,
 вестник Отца светлых архонтов,
 духостязательных миннезингеров из миннесоты!¹

4.

Отец солнечных спасов,
 сыновей и дочерей распрекрасных,
 богородиц рода богомилов и христоверов.
 Бел непятнаемый в сочетании с БелБéрой,
 порождающий Непорочного Зачатия лоно.
 Добрый пастырь Эль-Элиона,
 возвращающий ангелов, обольщенных Сатанаилом,
 славян-теогамитов и богомилов.

Иммуниа́р со стойким иммунитетом
 против адаптационной венде́тты.

Аталанти́у –

Отец чистых ангелов и чистых мотивов,
 благородная ветвь деспозинов.

Сокрытый на престоле Отца Синао́н,
 посылающий помаза́нников во свершение времен,
 в Золотой ковчег вводящий миннитов из миннесоты.
 Отец добрых людей и просвещенных народов.

5.

Иеродама́нт. Иеродама́нта.

Падре и Мадре Ама́нте.

¹ *Миннесота* – здесь: царство Миннэ, соты Миннэ.

Божества славян-теогамитов и áриев.
Гиперборейские Иван-да-Марья.

Неба́риа против Нибиру́ и Отве́ргну,
имя которому: Сатанаил, кривое зеркало.

Фрида́ан, Де́и Фане́ос
в преблагоуханном саду мистических роз.
Мошевитый Мирротéос, Мирровый Те́ос.
Аввалио́н. Де́и Фане́ос.

Полнота духа божия наития –
Миннэ Трисмегíст и Анти́тирус.
Аталантов, входящих афтартически в силу –
пребожественный Аталанти́у.

И́ММУ – тетраграмма, равная ÁВВА и ÁММА.
Против адаптационной перелепки порочных составов –
составы иммунитета
доброты миллионноочитой. Áвва Всепе́тый.

Долготерпеливый против мирового Банкрота
Отец добрых людей и народов.

Против глупца и мистификатора Ялдаваофа
(нагрел руки на бедствиях и катастрофах) –
Отец доброй земли и доброго неба.

Технологии гуманоидов более не востребованы!!!

6.

Пифагор-Адама́нт –
драгоценный камень Грааля,

сила вышней любви в солнечном потенциале,
хранящийся в Альбионе и Гарабандале.

Оптао́н миллионноочитый,
оптика доброхотов-миннитов.

Непорочное зрение людей добрых бономов,
белых корабелов с колесницы Аввалио́на,
гиперборейских белых лебедей Аполлона.

Непорочного зачатия преблагоуханное лоно.

Эль-Миннэ́ Мар-Майора и Мар-Менора.

Добрейшие Теоэнхендрадо́р и Теоэнхендрадо́ра.
А́вва-Миннэ́, божество иерофантов и Пифагора,
благодатных даров Альпийские горы.

Африо́н против догматических консервантов –
открывающийся Падре Ама́нте.

Саморождающийся сферообогатитель,
полнота духа Обо́жителя наития.

Вершина лестницы духостяжания – плéрома.

Князя мира сего глобальный за́говор прёрванный
Премудростью и Отцом – любовью кормильцем –
против человеконенавистника и человекоубийцы.

Зримый воочию в пренепорочной Гиперборее.

Несгораемых свитков нерукописных нетление,
поскольку не горят в огне и в воде не тонут
благоуханные свитки Аввалио́на!

*

Против князя мира сего расчетливой бухгалтерии –
живая псалтырь евфросиньюшкина, Saltério!
Против князя мира сего перелепочной зондеркоманды –
апофеоз Падре и Мадре Амáнте!!!

*

Не хочу больше витать над мировым фарисейским болотом,
слыть неудачником и банкротом.
Чаю под небом Падре и Мадре Амáнте
принимать по миллиону в день экскурсантов.

*

Апоменóн!
А НЕ регламентирующий бесноватых закон.
Апоменóн –
лирников, миннезингеров собирательный орфеон!

*

Мир среди творящих псалтырь евфросиньину /
благодать превышенебесная преизобильная /
Мир среди духа светлосвята стяжателей /
безусловный покров Божией Матери /
в 1500 ипостасях / выраженной непреложно,
возводящей по лестнице обожáния-обóжения.

23-24.10.2011

НТП²

*Повесть о том, как мегаполисные психоневротики
информационные глотают наркотики.*

Гуманоиды простерли щупальца осьминожки,
одьяволили земнородных вместо обожения.
Наглотались фраеры генетически модифицированных канцерогенов,
превратились в полупластмассовых олигофренов.

Информатика
превратила ближнего в виртуального фанатика.

Мегаполис напоминает шарашку с режимом командировки,
где срок, как известно, у зэка короткий.
Не успеешь прошастать между бараком и медсанбатом,
как собирай манатки и возвращайся обратно
на тот свет, на тот свет,
виртуальный раритет.

Экземпляр сострадательно-чуткий? Заарканьте его, затравите,
отправьте куда-нибудь на Юпитер и дальше Юпитера –
куда-нибудь на свалку радиоактивных отходов
между пустыней Сахарой и Миннесотой
закрыться от мира виртуальной решеткой.

Без слов, без соперников и соглядатаев
побыстрее, фраер, отсюда уматывай
вместе с пожитками. Между Сатурном и Юпитером

² Научно-технический прогресс.

остановка. Побеседуем за чаепитием,
вспомним, как проводили время под Питером...
Огуманоидили человека, обделили, обидели.
Опустили его в общежитии, отравили в общепите-
забегаловке где-то между Луной и Юпитером.

23.10.2011

Познание Отца

Иеродама́нт. Отец познается во внутреннем
обелении священной кости́ перламутровой,
144 внутренних зámков открытием,
духа светлосвя́та наитием,
отрицанием петровой гнетущей модели
мировой фарисеи.

Перечислением имен гностических фолиантов
открывается впервые Падре Ама́нте
доброты ненаглядной и миллионкрат превосходящей.
Обретший ее мир обрящет!

Колесницей Иеродама́нта миллионноочито-восторженной
вочеловечение божеств, человекóв обóжение!

24.10.2011

* * *

Против Сатанаила и Левиафана –
экклесия Иоаннова.

Против Нибиру́ и Ялдаваофа-банкрота,
идеалов обывательского болота
с мегаполисной гуттаперчевой жвачкой –
ближний как христос, жених новобрачный.

Божества аутентичный почерк угадывай
в бомже, пылящемся на третьей полке плацкартной.

Пренебрегайте идеалами мегаполиса сонного.
Вместо иезекиилевой колесницы – аполлонова!

25.10.2011

Пустынножительно

*Ох, Россия – святая страна.
В ней сокровища и жемчуга.
Души зэков расстрельных взлетают
белым лебедем в небо Христа...*

Песнопение о. Паисия

Россия – страна пустынножителей,
где духа светлосвѣта наитие
гуляет в сибирских бараках.
И у кого покрепче характер –
запирается. Ограждается тройным гардеробом,
путешествует в Мухосранск автостопом,
вспоминает друзей за юродивой чаркой.
А в комнате натоплено, жарко.

– Эй, бабуля, подбрось-ка в печку поленьев!
У фраера на уме гениальное стихотворение.

Мафия крутит детективы на Первом канале.
Зэк, известно, не в ладах с фортуной-каналей.
Сосед по-шекспировски смотрит с похмелья,
и от страха за́ ночь три рубашки вспотели.
Россию спасет соловецкая огненная иерархия.
Народовластие по типу ливийской джамахирии –
власть зэков над вохрой, что бы там ни говорили:
сектант, экстремист, клинический сумасшедший.
Таись себе, истину случайно нашедший.

Валяйся на печке. Упрячь судьбу, старую дуру,
в дурдом, чтобы nepовадно было ссылаться на номенклатуру
и объявлять себя знаменитостью за полчаса до облавы.

Не нужен России ни Сталин, ни Лысый-Картавый!

А что кругом ворье – наплевать. Сиди, грейся у печки,
вспоминай продажные дела человечьи
да соседу вмажь, чтобы дров не крал у печурки,
собирал себе на вокзале огарки-окурки.

Житуха не свечка с репутацией негасимой.
Потух внутри реактор атомно-керосиновый,
и запечатался маршрут между Чернобылем и Хиросимой.
Валяйся себе блаженнейше в ризах похмелья
и радуйся тому, что победил соседа-злодея.

27.10.2011

Ласковый зэк

Да я не на русском давно, на нижегородско-татарском.
 Читателями не охаян, равно как не обласкан.
 Не гордиться мне в 2010-м лужниковской аудитории.
 Духовности не заимствовать у листов сада Мбрии³.

Зэк я, сидящий на шпанской мушке
 с выразительным фэйсом у фортуны-подружки.
 Подружились давно мы, ходим в гости друг к другу.
 Вместе осваиваем бытия шальную науку.

Не кончал я ни семинарий, ни ойшишив⁴, ни консерваторий.
 Зато даров от Всевышнего в затворе открывается море.
 Сиди себе, плавай по поверхности Мар-Майора,
 наблюдая хороводы нимф с Теоэнхендрадорой.

Царица морская в аквариуме запечатанном рыбьем.
 Садись, дружок, на дорожку выпьем.

Из Грааля вкушал я по-рыцарски верно.
 Не предавался идеалам продутым и скверным.
 Чистоту хранил как зéницу ока.
 Выпроваживал фальшивомонетчиков прямо с порога.

На их валюту наплевать хотел, как на иудейскую тору.
 Предлагали мне преимуществ 'отеческих' горы:
 статус и деньги и что там у них положено.
 А я верил: не храм – шарашка место обожения.

³ 'Листы сада Мории' – книга Е.Рерих.

⁴ Ойшишвива, иешивива – высшее религиозное училище в иудаизме.

В Гулаге не надо за заработком ходить в Африку,
предаваться с похмелья литературному наркотрафику,
смотреть последние известия по телеящику
с друзьями, такими же как ты пропащими.

Не надо. Заперся и вчитался во внутреннее благовестие.
Какие там от судьбы последние известия?
Куда перемещаться, захватив кочергу от печурки?
Соседи заведомо – интеллигенты да урки.

Те и другие – контингент неуживчивый проходящий,
как 25-й кадр в загебеченном телеящике.

Канцероген уйдет, и сгинут гебистские маски.
Тогда жди звездного часа, как от соседа по камере – ласки.
Не обманывай себя, ласковый зэк, под надзором
лагерной вохры воспользовавшийся мотором
и сгинувший за территорию лагеря без обмана.
А за проволокой ждала экклесия Иоаннова...

27.10.2011

* * *

В России сидят 120 миллионов с гебистскими вертухаями.
В мегаполисных лагерях тесно, как в джинсе приталенной.
На соседа не дуйся и не клянчи харчи поневоле,
а сиди и смирайся с гулаговской долей.

Огонек в печурке посапывает, и ладно.
Память любит работать завскладом.
Поумнел, позаимствовал для раскраски картинку
и сиди себе в обществе двух соседок-кретинок,

коротая часы, на кои фортуна щедрa донéльзя.
А там, глядишь, выпишут ф́раеру пенсию.

27.10.2011

Мощевитый внутренний

Дж.

Будь мужчиной –
князя мира посылай трехэтажной матерщиной.
Запрись в Замке Вечного Счастья
благородной кровí деспозинской масти.

Стань недосыгаемым к люциферианским посулам
от псевдодемократии до диктатуры.

Отвергни земные ворóнки, магниты,
мамоны бюрократическую волокиту,
иллюзион химерических идеалов.

Приобщись Чаше христов великих и малых.

Мамона не сто́ит ни заботы, ни упоминания.

Сочетайся узами теoантропогáмии.

Стань от кармы ходов независим
во исполнение предначертанной миссии.

Благородно терпи крест от фортуны положенный.

Обожай ближнего и тем самым обóживай.

Восходи благонамеренно по теогамической лестнице.

Духом светлосвя́тым совершай благовестие
новых сфер. Храни плéрому неукоснительно
во славу солнечных мироправителей.

Оттачивай технику поста и молитвы,
 неотмирским свойственную серафитам.
 Князю мира противостой по-рыцарски стойко,
 его мусорным свалкам, радиоактивным помойкам
 под видом компьютеров, чипов и пр. психотронщины.
 Внутренние замки замиротóчили.
 Мошевитый внутренний счастлив блаженнейше
 и другим желает того же, поверишь ли.

29.10.2011

* * *

Сколько ведьм еще кружится над суррогатной планетой!
 Ближнего не отыщешь ни по описанию, ни по приметам.
 Сколько зла в графомании буден,
 и как путь в царство Всевышнего труден!
 Сколько химер лукавейше смешанных!
 Сколько кругом гиен и псов бешеных,
 готовых растерзать жертву не моргнув глазом!
 Порядок мира сего противопоказан!

Освободись от кармы фатальной палитры.
 Стань вечнодевственным серафитом.
 К колеснице доброты привейся заслуженно –
 благодать внутренних замков разбужена –
 храни ее от мала до велика,
 обожаемых ближних доброту миллионноликую!
 В замке Вечного Счастья запри с Богородицей
 и стань среди рыцарей женой-мироносицей.

29.10.2011

Славяно-теогамические архетипы

Я далек от разведки.

Ближнего вижу не как глиняную статуэтку,
слеplенную мастеровым Элогимом –
бессмертная плéрома в нем хранима.

Несмотря ни на какие фортуны удары,
несу утешение зэкам на нарах,
повествую им о благородных катарах.

Славяно-теогамические архетипы выглядят абсурдно
для спящих летаргическим сном беспробудным.

А разбираться в местной мафии интригах,
с точки зрения посвященного – дико.

Князь мира сего и его дьявольское орудие –
гуманоиды – болото страстей взбаламутили.
Память блуждает по провинциальным задворкам.
Совесьть отмирские стереотипы отторгла.

Хоть бросься вверх тормашками с башни Останкино,
хоть наизусть цитируй евангелие –
не выйдешь из заключения прежде срока,
из ведомства князя мира сего Черенбóха
с его черными двойниками и черными лебедя́ми,
насылающими внутренних замков цунами.

Спрячься где-нибудь в комнате коммуналки,
отрицай посуды отмирские жалкие.

Лучше сгинуть благородно бесследно,
 чем заключать с князем мира заветы
 очередные с десятью грошами в кармане,
 предаваясь болтовне и ночной графомании.

29.10.2011

Внутренняя колесница

Сияй, внутренняя колесница многоочитая.
 Славься земля огненными серафитами!
 Долой третьего глаза криминальную рентгеноскопию!
 Слава богородице вечнодеве Марии,
 а не римо-византийской узурпаторше Люцимери.
 Славьте отцов наших в светлом уделе!

Порядок князя мира сего опротивел
 (гуманоиды его в космолабораториях породили).
 Не хочу слыть ни зомби, ни инфузорией-туфелькой,
 ни старым развратником, ни комнатным пуфиком.
 Хоть бросься с Юпитера вверх тормашками
 вместе с тремя дорогими домашними:
 котом, собачкой и бытовой прислугой –
 довольствуйся катарской неотмирской наукой.

Темные страсти побеждай непременно
и ожидай к лучшему перемены!

29.10.2011

В спальном вагоне

Где-то между Барселоной и Мухосранском
трясло поезд в медитативном пространстве
полусна- полуактивной прострации.

О конечном пункте не догадаться бы...

А на континенте с его душным рентгеном
агонизируют олигофрены и канцерогены.

Вохра усталая – ладрон на ладроне –
предается садомазохистской агонии.

По ночам крутит фильмы с детективной пилюлей:
масоны, маманы, дедули, бабули...

А поезд идет себе безостановочно.

И пассажиры глядят беспомощно
в темные окна, погребенные заживо,
друг друга теплотой душевной одалживая.

29.10.2011

Каково зэку

Каково зэку на билोकационных нарах
с двух до четырех – махровому тамплиеру, катару –
в американской душегубке, в европейской инфернальне
при индивидуальности частной и отоплении центральном?

Вышколили лоха, чтоб не высовывался понапрасну:
мол, в вашем возрасте небезопасно –

может накрыть полицейская мафия,
 если существовать не по графику,
 рассчитанному на пожилого туриста,
 голосующего на аутопíста⁵.

Нищий? Приписан городскому бараку.
 А ктó ты и чтó – наплевать, одинаково.
 В госпитале очередь на полдня – изнуряюще.
 Острый синдром тоски удушающей:
 невозможность выбраться из фатальной клоаки
 без того, чтобы поставить подпись на бумаге,
 расписаться в причастности ко всеобщему пойдлу,
 чего бы то фраеру в натуре ни стоило.

Ну и хрен с ними, со СМИ и культур-новостями.
 Призываю в три ночи Alma Mater dei et humani!
Духовностью крою их, как спасительным матом.
Духовностью противостою охламонам богатым.

Универсум на стороне вашего смиренного брата.
 И в свой час призовут вернуться обратно
 в объятия горячо ожидающих братьев.

И забудутся земные химеры, проклятия,
 каталажки, шарашки, воронки и воронки,
 ночной звонок ошеломляюще громкий,
 так что рвет барабанные перепонки.

Береславский? Извольте в американский концлагерь.
 Паек: две общих тетради, пачка туалетной бумаги...

⁵ *Autopista* (исп.) – автострада.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэт-декабрист XXI века. <i>Предисловие</i>	5
Имена Отца	21
1. Мирротéос	21
2. Апофеоз Иеродамáнта	22
3. ‘О сокрытый Синаóн, Пневмалиóн’	23
4. ‘Отец солнечных спасов’	24
5. ‘Иеродамáнт’	24
6. ‘Пифагор-Адамáнт’	25
НТП	28
Познание Отца	29
‘Против Сатанаила и Левиафана – экклесия Иоаннова’	30
Пустынножительно	30
Ласковый зэк	32
‘В России сидят 120 миллионов с гебистскими вертухаями’	33
Мощевитый внутренний	34
‘Сколько ведьм еще кружится над суррогатной планетой?’	35
Славяно-теогамические архетипы	36
Внутренняя колесница	37
В спальном вагоне	38
Каково зэку	38

Аве Мария-1500	40
Наш Христос	40
Менять	41
Умный фраер	42
‘В билोकационном обвале’	43
‘Архетип у меня – строевого болвана’	43
Гремучие смеси	44
Сосед по квартире	45
Вечный покой	46
Дыхательная ‘Мир горний’ 2х8	46
Сизиф	46
Приди, Обожáтель и Обóжитель	47
Не Тибет, а Гиперборея	48
Врата	49
Доминанта Миннэ	50
‘Подобрей миллионкрат, отрекись от виртуальных дел мокрых’	50
Родословная	51
Всерьез о последнем	52
Переделкино	53
Внутренний собеседник	54
Ближний	55
‘Смолотила судьба́ меня, не оставила камня на камне’	56
‘Здесь так концлагерно’	57
Золотые катарские ключики	57

‘Скудный пост в центре старой Европы’	57
Колыбельная	58
Созерцательно-дыхательная 2x10	59
‘Какие звучат заумные трéмоло’	59
Шахматная партия	59
Дева Столпов	60
Подобрей миллионкрат	61
Вечное девство	62
Подвижный интерьер	62
За́ борт	63
‘Штаб-квартира гуманоидов – лунная свалка’	64
Девиз моцартов	64
Трезвение	65
Жалоба на судьбу	65
Мощи ближнего	66
Путь м.Евфросинии (На глас 14Б)	66
Юрóдивая	67
1. ‘Часы тикали: Ктó ты – чтó ты’	67
2. Христоверка из Ясной Поляны	68
Бодхисатвы замков Непорочного Сердца (На глас 11Б)	69
‘Христос Второй Голгофы Серафим Умиленный’ (На глас 5Б)	69
‘О Необоримая стена’	70
‘О София, смирна, стакти и касси́я’ (На глас 11Б) ...	70
Секир-гора (На глас 14Б)	71
Лев Толстой и С.А.	71

Молодежный устав	72
Светлые братья	73
Черные очки	73
‘Вратами смертными прохожу каждодневно’	74
Превратности судьбы	75
Распятый свет	75
Ненавижу	76
‘О блаженства блаженств, мир и покой с Панагией, Богоматерью всесвятой’	77
‘Доброе утро, Кормящая Мати!’	78
‘Глория отцам Второй Голгофы’	79
‘Против тысяч исторических суррогатов – аутентичная Мадре Амáнте’	80
Богоматерь Столпная	80
‘Против Добрейшего добрых – тыщи химер лукавых’ ..	81
‘Чего сто́бит логика анонимная зэка среди холода лютото?’	81
Светильник	82
Поэзия	82
‘Силой духа святого можно свернуть го́ры’	83
‘Аве Мария Преподоуханная Дева’	83
‘О нет ничего кроме Миннэ’	84
Поэт	84
1. ‘От несовка и жены не сломись’	84
2. ‘На земле осí межпланетарной’	86
3. ‘Обстоятельствами минимизированная’	86
Санитарка в Гулаге	87

Вечная слава агнцам Гулага.....	88
50 миллионов добрых эзков.....	88
Добробоженька Евфросиньюшки.....	89
‘На белой ладье въедешь в Германию’.....	90
Постмортем.....	90
‘Ничего хуже лесбо’.....	91
‘До обращения почитываешь Мопассана’.....	91
‘Офицера армейского опедерáстило’.....	92
‘Не служи князю мира черную мессу’.....	92
‘Горлица ручная воркует, как голубица Ноева’.....	93
Серафим.....	94
Другая Аве Мария.....	94
‘Вначале сдуется церковная мафия’.....	95
Мировой концлагерь.....	95
‘Нет никого кроме Него, Христа возлюбленного моего’.....	96
Миллион добрых очес.....	97
‘Божество во внутренних обитает хоромáх’.....	98
Универсум добра и зла.....	98
Помощница в брани.....	99
Плач о России.....	99
Билокационные нары-2.....	100
‘Госпожа моя, Госпожа! Стражи твои наготове’.....	101
‘Ушла. Порог перешла. По ту стóрону склевали сердце твое черные вóроны’.....	101
Отче обительный.....	101
‘Что для Миннэ похотливые минотавры?’.....	102

Зомбоящик	103
Мириады братских миров	103
Уставы царствия	104
Фанто́мы.....	104
Боль о России.....	105
Доброта божьих коровок.....	106
Злодейство.....	106
Начало Богоцивилизации	108
Семнадцатилетним.....	109
‘Возненавидь программу с фалловагинальной воро́нкой’.....	110
Иновременный собеседник	110
Доколе?.....	112
Белая литургия.....	113
Чаша	114
Усыпальница	115
Катарсис	115
Печати	117
Поклонение Божией Матери.....	118
Столпы универсума.....	119
Вознесение чаши	119
Соловецкие песни.....	120
1. Соловецкий ‘гастроном’.....	120
2. Сове́стный собеседник	122
3. Истинная история.....	123
4. В братской канаве.....	124
5. На двухэтажных нарах	124
6. ‘Ходят фраеры по Барселоне в обнимочку’.....	125

7. Лагерное смиренномудрие	125
8. Царице – юродиво	126
9. ‘Голье провода и тела невыносимы’	127
10. ‘Заклечения темную структурологию’	128
11. ‘Божество божеств обитает во внутреннем’	128
12. ‘Я укроюсь в твоих шатрах’	129
13. ‘Ах рубашка рваная, и тело в гвоздях’	129
14. Отец наш	130
15. Интернет	131
16. Неортодоксальная Богоматерь	131
17. Соловецкие альбигойцы	132
Обожание Богоматери	133
Против технократов	134
Solo Minne	134
Человеческие кладовые	136
Часы мессии	136
Белая литургия	137
‘Не бегай вокруг пророка украдкой’	137
‘Во время гебистского холокоста не ходорковствуй’	138
‘Зомбящик в преисподнюю тащит’	138
Не туда	139
Гамлет	139
‘Сто поклончиков за ночь отвесили – вот тебе мистическое благовестие’	140
Кухня терминатора	141
‘Побывай в нашей шкуре на испанских Соловках’	141
‘Миннэ не нуждается ни в коммуналках, ни в комментариях’	142

Круглый стол короля Артура	142
‘Третий глаз сулит бесплатный рентген’	143
‘Ветрено, сирю, друг мой, безутешно’	144
Восстань, человечество!	144
Там и здесь	145
В премирном эфире	146
‘Миллиардеры? – Очередная химера’	146
‘Перепиши меня на интернетную флэшку’	147
Футурологический натюрморт	147
Портрет	148
Миннэ и Эрос	149
Богоматерь с Большой Медведицы	150
Безупречные рыцари	151
‘Миннэ верна беззаветно’	151
Старческая исповедь	152
Шоссейные метаморфозы	152
С нами Бог!	153
Конец дьяволоцивилизации	154
Консоламентум кровавыми слёзками	155
Нет ничего кроме Миннэ	156
‘Благодать на благодать Божией Матери’	156
‘О Ганнибале, любимце божеств’	157
ПОСТСКРИПТУМ	157